

5. Кихней Л. Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. М., 2001.
6. Кихней Л. Г. Эсхатологические мифы В. Нарбута и М. Зенкевича // Кихней Л. Г. Под знаком акмеизма. М., 2017. С. 592–605.
7. Лекманов О. А. Книга об акмеизме // Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 7–184.
8. Лекманов О. А. О трех акмеистических книгах: М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам. М., 2006.
9. Магомедова Д. М. Ода // Теория литературных жанров. М., 2011. С. 92–103.
10. Тырышкина Е. В., Чеснялис П. А. Эстетика адамизма: лирика М. Зенкевича 1910-х годов // Идеи и идеалы. Новосибирск, 2017. № 3 (33). Т. 2. С. 117–131.
11. Тюпа В. И. Дискурс // Жанр. М., 2013.
12. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. СПб., 2003.
13. Чеснялис П. А. Эстетика и поэтика адамизма в ранней лирике В. Нарбута и М. Зенкевича: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2015.
14. Яковлев М. В. Апокалиптическое направление в русской поэзии XX века. Орехово-Зуево, 2015.
15. Rusinko E. Adamism and Acmeist Primitivism // Slavic and East European Journal. 1988. Vol. XXXII. P. 84–97.

УДК 821.161.1.09"1917/1991"

М. О. Кучумова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
marleontieva@gmail.com

МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ МИФА О Р. М. РИЛЬКЕ В ЭССЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «ТВОЯ СМЕРТЬ»

Настоящая работа рассматривает средства, с помощью которых М. Цветаева создает миф о Р. М. Рильке на страницах эссе «Твоя смерть». В статье выделяются признаки мифологического повествования в анализируемом произведении, мотив родства исследуется как ведущий в индивидуальном мифе М. Цветаевой вообще и в мифе о Р. М. Рильке в частности. Также внимание уделяется взаимоотношениям между автором-творцом и лирическим героем и адресованности текста в контексте способов формирования читательского доверия к мифу.

Ключевые слова: М. Цветаева, проза поэта, автобиографический миф, автобиография, мифотворчество, документальное и художественное, мифопоэтика.

М. О. Kuchumova

Kazan (Near-the-Volga) University of the Russian Federation
marleontieva@gmail.com

MECHANISMS FOR CREATING THE MYTH OF RAINER MARIA RILKE IN MARINA TSVETAEVA'S ESSAY "YOUR DEATH"

This work considers the means by which, Marina Tsvetaeva creates the myth of Rainer Maria Rilke in the essay "Your Death". The article highlights the signs of the mythological narration in the analysed text, the kinship motif is investigated as the leader in the individual myth of Marina Tsvetaeva in general and in the myth of Rainer Maria Rilke in particular. Attention is also paid to the relationship between the author-creator and the lyrical hero and the addressing of the text in the context of ways of forming the reader's confidence in the myth.

Keywords: Marina Tsvetaeva, poet's prose, autobiographical myth, autobiography, myth-making, documentary and artistic, mythopoetics.

М. Цветаева трижды обращается к Р. М. Рильке в своей предназначенной для публикации при жизни прозе: на страницах очерков «Башня в плюще», «Твоя смерть» и в небольшой статье «Несколько писем Райнер Мария Рильке». Несмотря на относительно нечастое упоминание, Р. М. Рильке несомненно занимает в автобиографическом мифе М. Цветаевой важное место.

В эссе «Твоя смерть» наблюдается максимальное слияние автора-творца и лирического героя. Читатель словно становится случайным свидетелем разговора, не предназначенного для посторонних слушателей. В заглавии текста угадывается установка на диалог. И уже первая фраза («Каждая смерть, даже из самого ряда выхождения выходящая, о твоей говорю,

Райнер, неизменно оказывается в ряду других смертей между последней до и первой после» (4, 186)) дает понять, что адресат послания – австрийский поэт Р. М. Рильке. Иллюзию адресованности очерка его героям, а не читателю усиливают и разного рода вставки: несколько диалогов без авторских комментариев (разговоры М. Цветаевой с Алей, с соседкой француженки, с сестрой Вани исо знакомым семьи Гучковых), письмо М. Цветаевой к уже умершему Ване, Алино письмо француженке, разбросанные по тексту обращения «Райнер» и адресованные поэту вопросы.

При этом приватный дискурс гармонично вписывается в мифологическое повествование, признаками которого в тексте «Твоей смерти», в частности, являются:

1. Слова абсолютной семантики («никто», «никогда», «каждый» и т.д.), использование которых в мифе указывает на цикличность времени, словно движущегося по спирали (3, 13): «Никто никогда не стоял над гробом...» (4, 186), «Каждая смерть возвращает нас в каждую...» (4, 186).

2. «Мы» в значении «все живущие на земле»: «Мы не за умерших, мы за гробовщика...» (4, 193), «А пока мы ходим по дорожкам, читаем надписи, препоручаем сторожу могилу и облюбовываем будущую собственную, смерть, пользуясь отсутствием...» (4, 194).

3. Афористичность: «Дом, где умирает, тих. Дом, где умер, громок» (4, 192), «Смерть в доме умирающего, в доме умершего смерти нет». «Смерть из дому уходит раньше тела, раньше врача и даже раньше души» (4, 193).

4. Отсылки к национальному мифу, в частности через имена героев – Ваня и Жанна. Ваня олицетворяет всю Россию, Жанна – Францию. М. Цветаева подчеркивает парность этих имен, восходящих к именам Иоанн и Иоанна.

5. Особая значимость деталей. Так, по мнению М. Цветаевой, «приблизительность даты» смерти Р. М. Рильке, «29-го декабря вместо 31-го, кануна» оскорбительна (4, 204).

В основе «Твоей смерти» лежит мотив родства, важный для индивидуального мифа М. Цветаевой. М. Цветаева признается, что «породнила» Райнера Мария Рильке со всеми когда-либо потерянными «и ближе всех – с двумя»: недавно умершими мальчиком Ваней и учительницей своей дочери Али Жанной Робер (4, 187). Однако при более детальном рассмотрении обнажается родство героев эссе не только друг с другом, но и с лирической героиней – двойником М. Цветаевой.

Первое, что позволяет рассказать М. Цветаевой о Жанне Робер, Ване и Райнере Мария Рильке в одном произведении, их недавняя смерть: «Каждая смерть, даже из самого ряда выхождения выходящая, о твоей говорю, Райнер, неизменно оказывается в ряду других смертей между последней до и первой после» (4, 187). Е. Я. Джаббарова пишет: «...смерть других равняет их с Рильке лишь по одной причине: смерть равняется вечности, а мертвые – ее обитатели» (2, 143). Однако родство не строится на одном только факте смерти, поскольку «кладбищенская, по случайности соседства номеров и могил» – «связь бессмысленная, по-сему не связь» (4, 186).

Для прозы М. Цветаевой характерен мотив родства на основании сходства. Например, на страницах «Пленного духа» А. Белый, узнав о биографических совпадениях, восклицает, обращаясь к автобиографической героине: «Родная!» А в эссе «Поэт-альпинист» М. Цветаева пишет: «Родство не любят, родство не знает о своей любви, быть в родстве с кем-то – больше, чем любить, это значит быть одним и тем же» (4, 458).

Каждый персонаж «Твоей смерти» имеет в своей характеристике что-то от святого. В эссе постоянно подчеркивается бедность Жанны Робер: на рождество «кроме пти-беров ничего не было» (4, 188), в ее доме – «страшный холод» (4, 177), перчатки у нее «совсем рваные» (4, 189). При этом она ездила на занятия «не поездом, а трамваем, и не до Беллевию, а до Медона», чтобы помочь семьям своих учеников «сберечь четыре раза в неделю по 1 фр. 60 с.» (4,

197). Свою жизнь героиня посвятила заботе о двух сестрах, по словам Али, «сумасшедшей» и «тронутой» (4, 189). Бедность, странствование, жизнь во имя других – все это приметы «земной святости» Жанны.

Тринадцатилетний мальчик Ваня по уровню развития близок полуторагодовалому сыну М. Цветаевой, но при этом, по словам собеседника поэта, он «может быть радостью. От него, действительно, свет» (4, 199). Душевная щедрость Вани метафорически показана в следующей реплике Ваниной сестры: «А я сегодня ела икру. Брату давали, он не доел, я доела. Ничего не хотел есть, а икра вдруг понравилась... Мы все так обрадовались...» (4, 199). Перед смертью, последовавшей «дня через два после икры», брат «угощает» сестру деликатесом, который в маленькой квартире («две комнатки с кухней») может ассоциироваться только с праздником. Праздник, как было сказано выше, подарила своим ученикам перед смертью и Жанна Робер.

В смерти Рильке М. Цветаева видит самопожертвование: «Истек хорошей кровью для спасения нашей, дурной. Просто – перелил в нас свою кровь» (4, 204). Позже этот же мотив переливания крови во имя жизни встретится в эссе М. Цветаевой «Мать и музыка»: «Мать залила нас всей горечью своего несбывшегося призвания, своей несбывшейся жизни, музыкой залила нас, как кровью, кровью второго рождения» (4, 20). Это не единственная отсылка, подтверждающая родство героев очерка через родных М. Цветаевой.

Так, о Жанне Робер сказано, что, хотя она преподавала детям французский язык, была учителем музыки, то есть музыкантом, как и мать М. Цветаевой М. Мейн. 22 декабря, за день до смерти, «французенка», как называет ее в тексте Аля, «со всеми танцевала и страшно устала» (4, 189). А в финале эссе «Мать и музыка» М. Цветаева описывает последнюю игру матери, незадолго до смерти, «после нескольких месяцев горизонтали» (4, 31). И в последней игре матери, и в последнем танце Жанны Робер – самосожжение. Не случайно М. Цветаева обращает внимание на серебряную иконку с изображением Жанны д'Арк, которую всегда носила на бархатке ее тезка.

Ванину смерть М. Цветаева также вписывает в круг «родных» смертей. Передавая слова сестры Вани о том, что брат «плох, температура держится, все время на камфаре», М. Цветаева сообщает читателю: «Камфару я знала по последним минутам отца и для меня она называлась – смерть» (4, 199). Упомянутый выше рассказ сестры Вани об икре вызвал в воспоминаниях М. Цветаевой «предсмертное материнское шампанское»: «...ничего не хотела, шампанскому обрадовалась. Икра тоже называлась смерть» (4, 200). М. Цветаева признается, что, поглощенная смертью Р. М. Рильке, приобщила к ней все «до сих пор претерпенные: гордую смерть матери, высокоуниверсальную отца, другие, многие, разные» и именно поэтому «насторожилась в сторону Ваниной камфары» (4, 200).

Важной в контексте «Твоей смерти» становится связь каждого из героев с Россией. Семья Вани Гучкова приехала из России, у мальчика «самое русское и самое редкое» имя. Жанна Робер была в России около пятидесяти лет назад, занималась с русскими детьми, пела маленькому Муру, сыну М. Цветаевой, русскую песню «Танька-Ванька». Рильке же страстно увлекался русской литературой, во время путешествий по России встречался с русскими писателями и художниками (3, 23–26).

Итак, мотив родства – главный в мифе М. Цветаевой о Р. М. Рильке, созданном на страницах «Твоей смерти». Автор подчеркивает в других героях очерка и в себе то, что для нее важно в Рильке. Так, в тексте содержатся указания на святость каждого персонажа, основными приметами которой становятся самопожертвование, изгнанничество, странствование. Для существования мифа необходимо доверие к нему читателя или слушателя – и М. Цветаева создает близкий к автобиографическому образ лирического героя, а также указывает на адресованность очерка персонажам, а не читателю, благодаря чему «Твоя смерть» не воспринимается как предназначенное для публикации произведение. Приватный дискурс

гармонично вписывается в мифологическое повествование, признаками которого в «Твоей смерти» являются слова абсолютной семантики, обобщающее всех живущих на земле местоимение «мы», афористичность повествования, отсылки к национальному мифу, особое внимание к деталям.

Литература

1. Витковский Е. В. Райнер. Мария. Орфей // Рильке Р. М. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. М., 2012. С. 5–46.
2. Джаббаров Е. Я. «Твоя смерть» М. Цветаевой: имя и местоимение как знаки диалогичности текста // Уральский федеральный вестник. Серия: ДРАФТ: Молодая наука. 2015. С. 141–146.
3. Неклюдов С. Ю. Структура и функции мифа // Современная российская мифология: сб. статей. М., 2005. С. 9–26.
4. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М., 1994.

УДК 821.161.1.09"1917/1991"

А. А. Алексеева

*Военная академия радиационной, химической и биологической защиты
им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко (г. Кострома)
kisika7@ya.ru*

ОТРАЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ АКСИОЛОГИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ С. А. КЛЫЧКОВА «ДОМАШНИЕ ПЕСНИ»

В статье проанализирован цикл С. А. Клычкова «Домашние песни». Доказано, что в лирике новокрестьянского поэта отражается крестьянская аксиология. В работе обращено внимание на такие ценности русского крестьянина, нашедшие художественное воплощение в цикле, как любовь к родному краю, родине, дому, труду, семье, природе и окружающему миру.

Ключевые слова: С. А. Клычков, новокрестьянская поэзия, цикл, циклизация, «Домашние песни», крестьянская аксиология.

А. А. Alekseyeva

*Marshal of the Soviet Union Timoshenko Military Academy of Nuclear,
Biological and Chemical Defence (the City of Kostroma)
kisika7@ya.ru*

REFLECTION OF PEASANTS' AXIOLOGY IN SERGEY KLYCHKOV'S POETIC CYCLE "HOME SONGS"

The article analyses the cycle "Home Songs" by Sergey Klychkov. It is proved that peasant axiology is reflected in the lyrics of the new peasant poet. The work draws attention to such values of the Russian peasant – gained artistic embodiment in the cycle – as love for the native land, Russia, home, labour, family, nature and the environment.

Keywords: Sergey Klychkov, new peasant poetry, cycle, cyclisation, "Home Songs", peasant axiology.

Лирический цикл «Домашние песни» – одно из поздних произведений С. А. Клычкова. Кроме того, указанное произведение – это своеобразный поворотный момент в творчестве поэта. Очень точно охарактеризовала эпоху 1920-х –1930-х годов (когда создавался цикл) Н. М. Солнцева. Исследовательница указала, что это время «торжества в России дьявола и трагической гибели Китежа» (3, 25). Тогда создаются такие произведения, как «Погорельщина» Н. А. Клюева, «Страна Негодяев» С. А. Есенина. Уже от самих упомянутых заглавий веет апокалиптическими настроениями. Цикл Клычкова, напротив, даже своим названием вводит читателя в уютную домашнюю атмосферу.

И. И. Ростовцева так характеризует символику адъективного компонента «домашние», выведенного в заглавие: «...это символ души родины, родной Дубравки, крестьянского дома, с его вековечным, традиционным укладом <...>, вбирающий в себя <...> целые мифологические пласты русской национальной культуры» (2, 235). И уже из первых стихотворений цикла становится ясно, что дом в понимании лирического героя – это не только изба, но и вся природа: